Виктор Мазин

ОПЫТ ОНЕЙРОПОЭЗИИ ЛИДИИ ГРИГОРЬЕВОЙ

20 октября 2002 года в Музее сновидений Фрейда случилось то, что рано или поздно должно было случиться. О приближении поэзии сновидений свидетельствовали призраки Блейка, Кольриджа и Лермонтова. Просто так не могло быть, чтобы никто не писал сегодня стихотворений по мотивам сна. Так что появление онейропоэтессы Лидии Григорьевой не стало неожиданностью, но праздник от этого был ничуть не меньше, и даже совсем наоборот.

Праздник заключался и в чтении стихотворений, и в рефлексии по их поводу, то есть в докладе, тезисы которого Лидия Григорьева включила в книгу «Поэзия сновидений». Эти тезисы можно было бы превратить в еще одну книгу, ведь речь здесь о невероятно важных вещах, в частности, об экологии бессознательного: «Охрана сновидений: не стрелять, не бомбить, не взрывать!!!». И тема эта сегодня, двенадцать лет спустя, представляется куда более важной, чем в тот день, в Музее сновидений Фрейда. Экология бессознательного, в том числе и поэтики сновидений, насущна в связи с непрерывными бомбардировками и обстрелами субъекта, осуществляемыми в той новой социальности, которая возникла благодаря

повсеместному распространению новых высокотехнологичных протезов – социальных сетей, камер наблюдения, ай-фонов, ай-пэдов и т. п. Сновидение технологично, оно – «лопасть пропеллера». Сновидение – «культурная реальность», и реальность эта настолько же технологическая, насколько историческая. И чтобы сохранить культуру, историю, бессознательное, поэзия сновидений должна стать принципиальной экологической программой.

О технике онейрописьма Лидия Григорьева подробно и увлекательно рассказывает в своем эссе «ЧЕРНОВИК ИНОБЫТИЯ», предваряющем стихи. Один из выводов, к которым приходит поэтесса, заключается в том, что «сон как таковой – часть творческого процесса». Проясним, что это значит с психоаналитической точки зрения. В книге «Толкование сновидений» Фрейд описывает два принципиальных механизма работы бессознательного во сне – сгущение и смещение. Сновидение – ребус, то есть определенная организация семиотических элементов, и ребус этот возникает в результате работы сновидения посредством смещения акцентов с одного элемента на другой и сгущения множества различных элементов в собирательный образ. К этим механизмам работы бессознательного через несколько десятилетий после выхода в свет «Толкования сновидений» обращается лингвист, автор трудов по поэтике Роман Якобсон. Изучая афазии, он обращается к смещению и сгущению, и приходит к выводу, что эти два механизма соответствуют в своей формирующей функции двум видам речевых деформаций. Якобсон и Фрейд на пару позволили Лакану переформулировать смещение и сгущение в метонимию и метафору.

Вот и мысль Лидии Григорьевой подчеркивает творческий характер сновидения, его метафорическую, поэтическую работу, в частности. Сновидение – автор поэзии, явленной во сне.

***Об авторе**:*

Виктор Мазин – психоаналитик, основатель Музея сновидений Фрейда в Санкт-Петербурге. Главный редактор журнала «Кабинет», автор множества статей и книг по вопросам психоанализа, деконструкции, шизоанализа и визуальных искусств, опубликованных на немецком, английском, словенском, японском, голландском и других языках.

СНОВИДЕНИЕ

Сновидение – лопасть пропеллера,
шелк истлевший
китайского веера.
Сновидение – пропасть,
в которую сладко упасть.
Сновидение – робость
и тайная детская страсть.

Сновидение – рыжий коверный,
заживающая каверна,
санаторий для ТБЦ
с мукой сладкою на лице.

1986 г., Москва

Сновидение – лопасть пропеллера,
шелк истлевший
китайского веера.
Сновидение – пропасть,
в которую сладко упасть.
Сновидение – робость
и тайная детская страсть.

DREAM

A dream is a blade of a propeller,
the rotted silk
of a Chinese fan.
A dream is an abyss
into which it's sweet to fall,
a dream is timidity
and secret
childhood passion.

A dream is a red-haired clown cavorting,
a healing cavity in the lungs
in a TB sanatorium,
with sweet pain on the face.

Лидия Григорьева

Тезисы выступления в музее Зигмунда Фрейда

Санкт-Петербург, 20 октября 2002 года

1. Сновидение – как культурная реальность.
2. Охрана сновидений: не стрелять, не бомбить, не взрывать!!!
3. Влияние сновидений на жизненный субстракт и качество жизни.
4. Пропеллер сновидения: бензиновые пары в снегу, на вечной мерзлоте: первый галюциногенный опыт.
5. Экспорт сновидений: спящий в самолете.
6. Полет во сне – как гарантия бессмертия души.
7. Сновидение: фотонегатив или позитив жизни (сон о скале на Тайване и такой же в Море Лаптевых).
8. Сновидение, как текст.

ЧЕРНОВИК ИНОБЫТИЯ

Именно тогда, во время моего памятного выступления в Петербургском «Музее сновидений», и возник замысел собрать книгу, состоящую из стихотворений так или иначе явленных мне во сне.

Порою стоит только смежить глаза, как тут же на грани сна и яви начинают настойчиво звучать отдельные слова и строки. И какие-то словно бы музыкальные колебания и повторы заставляют тебя вскочить и записать слышимое. Записать быстро, не медля, пока не ускользнуло в сон, не забылось, не растворилось где-то там – в той туманной глубине, в той зыбкой, колеблющейся пелене то ли небытия, то ли другого, инакого бытия – одному Богу известно – то, что явственно и призывно прозвучало в самой твоей глубине – непознанной или вовсе непознаваемой, Бог весть...

А бывает и так. Снятся уже готовые строчки. И тут уж всегда дожен быть наготове карандаш (условно говоря) и бумага. Сгодится любой клочок: конверт, рецепт, а то и проездной билетик. Вечно ведь недосуг позаботиться и подготовиться к ночному (потустороннему) диалогу или даже диктанту. Тем более неизвестно, когда, зачем и почему его начнут диктовать. Например, «Вожделение». Это стихотворение так и явилось мне во сне уже готовым, написанным – черным по белому. С его оригинальной вертикальной архитертурой и архитектоникой. Оставалось только хорошо его запомнить и утром не забыть записать, как привиделось. Потом это «явление» потянуло за собой уже вполне дневной и умозрительный цикл стихотворений «Ипостаси души»: Созерцание, Озарение,

Порицание, Подозрение, Наущение, Лицезрение, Сновидение, Наваждение.

Значит сон, как таковой – часть творческого процесса. Неиссякаемый источник творческих идей, мыслей и, конечно же, чувств.

Особый случай – это сюжетные «большие» сны. Сны – видения. Они долго не дают тебе покоя, и ты будешь их помнить во всех подробностях, пока не опишешь, не втиснешь в ткань стихотворного или прозаического текста («Сон Варвары Суховей», «Долина жен», «Долина попугаев»).

«Долина Жён» – это особый случай. Баллада написана от мужского лица не случайно. Дело в том, что в моем сне (июль 1978 года, Пицунда, Дом творчества писателей и наш с мужем медовый месяц) эти слова записывал мой муж! Он тогда писал много и страстно, а мне не писалось. И видимо мучительное состояние творческого молчания и вылилось в длинный, весьма трагический по сюжету сон. Снилось, что я заглядываю в тетрадку моего мужа через его обнаженное плечо (дело словно бы происходит на пляже) и он быстрым, округлым, узнаваемым для меня почерком записывает эту балладу. Но не рифмует. А словно бы напевает (слышу его голос) как ритмичный белый стих! Утром я рассказала этот сон друзьям-писателям (Костя Кедров и Лена Кацюба). «Ты говоришь,

тебе не пишется, вот и запиши то, что приснилось», – сказали они. «Как можно, – воскликнула я, – это же не мои стихи! Это его стихи!» «Но сон-то твой!» – едва ли не разом воскликнули Костя и Лена. Я начала было записывать, но остановилась, потому что сюжетная история в этом сне ко мне отношения словно бы не имела. Я все это видела словно бы со стороны. Ведь я не ОН, а ОНА. Но сон запомнился во всех подробностях вплоть до обглоданных костей в туманной ложбине.

И только через шесть лет, в больнице, глубокой ночью, я выпросила у дежурной медсестры какой-то медицинский бланк, и на его обратной стороне, не отрывая руку от бумаги, быстро и стремительно написала (или все же «записала» уже готовое?) «Балладу с эпиграфами и эпитафией».

Ранние казанские сны – это явное вытеснение негативных дневных впечатлений от пребывания в чужом для меня городе, оказавшееся, в итоге, и судьбоносным, и судьбоформирующим. Это и тотальное одиночество юной мятущейся души. И взаимное отторжение общественных структур, неприятие всякого официоза. И давление со стороны Комитета государственной безопасности, которое увидело в моем повседневном бытовании (университет, работа в школе умственно-отсталых детей, репортажи на радио, статьи и публикации стихов в республиканских газетах, вечерние занятия в университетском театре УТЮГ, сборища сотоварищей-студентов в квартире семьи, приютившей меня, бездомную, на целых пять лет учебы в КГУ) опасность для существующего строя.

Есть еще живые свидетели тех страшных для меня дней, когда меня ежедневно возили на служебной комитетской машине на Черное Озеро (см. книгу Евг. Гинзбург «Крутой маршрут»), допрашивали и «шили дело» о «Салоне Лидии Григорьевой», которой было едва за двадцать, и которая, при этом, коварно развращала своих друзей-студентов чтением запрещенных белогвардейских стихов Цветаевой и какого-то там Мандельштама.

И все же, эти сны были отражением не столько настоящего, сколько – будущего. Попытка прозреть, предугадать его в самых неблагоприятных для этого обстоятельствах.

Здесь нет ни малейшего лукавства или подделки. Все так и было. Но каждый раз по разному. Или: вначале сон, а потом стихи на тему этого сна («Сон о слове», «Сон о Казани», «Это не я, нет, не я»). Или готовые строки с внятно продиктованным ритмом и завораживающими (сомнамбуличекими) повторами («И у меня сошел с ума зеленый пес...»), которые были тут же в полусне записаны на листок бумаги, который

иногда все же лежит рядом с кроватью у изголовья. И это может случиться в любой точке земного шара, где бы я в это время ни была – от Москвы и Лондона – до Филиппин.

А порою это насущно мне необходимое поэтическое осмысление того, что же все-таки такое сон («Сны над бездной», «Сон в Синайской пустыне», «Сновидение»). Философия сна. Филология сна. Психология сна. Психоделика сна. Толкование подлинника жизни. Но никогда не вымысел, не выдумка и не лжа. Черновик инобытия. Сны – видения.

Сон – в унисон.

Октябрь-ноябрь 2013
Лондон

Сновидение – лопасть пропеллера,
шелк истлевший китайского веера

Сновидение – пропасть, в которую сладко упасть

俄國女詩人格里戈里耶娃
Lydia Grigorieva 詩抄

◎陳殿興 譯

☆ ☆ ☆

把最後一棵生命之樹折斷的
不會是我們的兒子們吧？
把最後一莖勿忘草踩成粉末的
不會是我們的孫子們吧？
由於臭氧空洞，天使們在南極
杜仲膠似的積冰上已難呼吸，
好像我們已跟養育我們的宇宙力量
一刀兩斷，不再相依。

（原書第13頁）

☆ ☆ ☆

當上帝的眼睛從天上注視著
我們的時候，
我不能說：我很孤獨。
當風調雨順、五穀豐登的時候，
人們怎會流淚、憂傷和窮苦？

（原書第25頁）

☆ ☆ ☆

祖國，曾經有過的那個，
被像一個乞丐趕走了。
那個新的呢，尚不可捉摸，
像一塊軟蠟任掌權者揉搓。

（原書第30頁）

☆ ☆ ☆

像祖國來的信息——今天夜色漆黑一團
像窗外的暴風雨——我的心被撕成碎片
我無法知道用什麼去幫助她，
也不知道誰會對問題作出回答。

（原書第25頁）

莫斯科

當我努力要在這座古老城市
住下來的時候，
我的心靈掛滿淚花——像燃燒的
蠟燭一般。
當我在這苦難之地築成了
小窩的時候，
兄子長大成人，祖國分裂成
痛苦的碎片。

（原書第25頁）

☆ ☆ ☆

一月不是談情說愛最佳的月份：
冰天雪地，情感也冰冷。
黑暗——像在冰窟裡，即使
放聲呼喊也不會聽到回應。

（原書第27頁）

☆ ☆ ☆

從前我以無家為榮，
離開了青春，我突然猛醒。
我自高自大，目空一切，
結果——愚蠢透頂。

結果——誰也沒有愛過，
結果——沒有任何結果……
多久沒有計算年齡啦？

“太太，下站下車嗎？”

（原書第73頁）

紅 海

我看到了水下的上帝世界！
魚兒在珊瑚花園裡閑逛，
像蝴蝶，像小鳥，其中
有一位魚的天使羽毛閃亮。
我不相信在今世會看到這種景象，
而死後呢我也沒有福份看到天堂……
一縷陽光穿透厚厚的水層。
一個到處流浪的塑料袋掛在礁石上，
閃閃發光，像一條霓虹魚：
遺臭萬年——不朽的壞蛋！

一群美麗的魚在王冠
一般的珊瑚下穿過，
它們在一個個花園裡游著，
它們不斷增加，越聚越多。
在海的世界裡，
在水下天堂裡，
游著的有我——
也許是我的想像？

“今天花園裡天使很多……”

（原書第6頁）

Сновидение – робость и тайная детская страсть

新文豐75期 - 27 - Aug 2002

***

Город твой
маленький, как табакерка,
он лежит у меня на ладони,
и ты ходишь по его улицам –
у меня на ладони,
и не веришь,
что ты у меня на ладони
и я могу тебя сдунуть,
потому что ты –
только воспоминание.

апрель 1966

СОН

Пробежался трамвай на длинных ногах,
люди рисовали на его запотевших стеклах
смешные рожи.
Человек в одежде (под одеждой не было кожи,
были нервы – синие, как от холода)
похожей на дурной перевод с английского,
силился понять, кто он такой.
Кроме того, мне навстречу из желтого дома
(там, кажется институт
финансово-экономический)
выходили чужие тайны с большими глазами
и взлохмаченной, детской еще головой.
Кошки били в литавры
и мягко мяукали о любви непорочной.
Извращенные формы электрогитары
намекали на то, что она конченная сволочь
и не верит в чистые отношения между полами.
(И метались и рвались – почти пополам –
как по темени били крики гитар,
и какие-то тайны с кругами у глаз
засмотрелись в большой зазеркаленный таз).
И на углу, где я обычно поднимаюсь
к университету,
мне сказали, что я не туда иду,
что того, что ищу, не было и нету,
(и так во всем).
Зеленый, похожий на таксу самосвал
читал стихи неизвестного поэта.
Я накормила самосвал-таксу овсом

(мой сон, что хочу, то и делаю),
оставшимся от завтрака.
И решила завтра,
продать все известные мне
сексуальные тайны
старому скопцу
(я часто встречаю его на углу,
где мне подниматься к университету).
А тайны с большими глазами,
разбежавшимися по розовому лицу,
я оставлю себе.
Хотя они и менее интересны,
но с ними спокойнее.
Незнакомый покойник
подошел ко мне в толпе у магазина
и сказал, что до смерти любил меня.
Очевидно обознался.

Трамвай на длинный ногах
приближался с другой стороны.
Я поняла, что пора просыпаться,
и испугалась.

Самосвал-такса читал и читал стихи.
Он убеждал меня, что был такой поэт,
и жил он там, где ничего нет,
и жил он там, куда я иду.
Иду долго,
сбиваясь с ритма,
начиная не с той ноги,
налетая на острые вещи и плечи,
и на горы тоски и неверия,

я еще не вижу – куда
(во сне вообще плохо видно).
Трамвай на длинных ногах
выбежал из-за угла
совсем близко.
Кошки завыли в унисон
с литаврами.
Гитара вовсю изгалялась.

Кончался мой сон.
А что начиналось?

24.11.1966 г., Казань

***

Мокро…
Только ветер с пьяным отчаянием
бьется головой о край тротуара.
И вдруг подло – как нож в грудь –
Г У Л !
Равномерно и мягко
давит на мякоть мозга.
Страх брызнул, как кровь из вены –
испуганно метнулась в подворотню,
оглянулась:
меня догонял долговязый фонарь на одной ноге,
лампочка съехала набекрень
и невпопад мигала.
Я потеснилась, он пригнулся и, дрожа,
влез в мое сырое укрытие.
«Да погаси ты свет, одноногая дылда!» –
грубо крикнула я.
Свет торопливо съежился.
ГУЛ НАРАСТАЛ…
Я выглянула на улицу, увидела:
со всех сторон сбегаются фонари,
ослепительно таращат одинокие глаза,
беспомощно отталкиваются от земли бликами,
чтобы сохранить равновесие.
ГУЛ НАРАСТАЛ…
Нарастал свет – фонари приближались.
ГУЛ НАРАСТАЛ…
Был ветер и дождь…
Самолет набирал высоту.

апрель 1966г., Казань

***

На чердаке в полутьме паутины
мертвый художник рисует картину.

Линия вправо. Наискосок.
Желтая краска. Белый висок.

А перед ним на складном табурете
голая женщина в красном берете.

Линия влево. Линия вверх.
Будет картина. Будет успех.

Долгие годы длится мазня.
Умерли дети, соседи, родня.

Мерные взмахи мертвой руки –
ведь умирают одни дураки!

Белое тело. Наискосок –
синяя краска. Красный мазок.

Умер художник – он еле стоит.
Дальних потомков его восхитит

пиршество линий, бледность плеча,
мужество гения и палача.

24.04.67

***

Казань. Глубокие дворы
по горло завалило снегом.
О, будьте же всегда добры
наедине с сверхчеловеком!

О, дайте же ему домыслить,
и дайте что-нибудь сказать!
Ведь никогда не поздно свистнуть
и, пальцем тыча, указать.

ноябрь 1967

***

В холодной комнате пустой
на вымирающем рояле
заигранный мотив простой,
похоже, только что сыграли.

Отставив стул, он вышел в сад
заснеженный, заледенелый,
еще на клавишах лежат
его догадки и пробелы.

И день ничем не омрачен,
а он задумчив и печален,
с утра он думает: зачем
так прост мотив и гениален?

Зачем господствуют над жизнью
задуманные кем-то звуки:
непостигаемые числа
невычислительной науки.

1969

***

Полночная графика мощного мрака и света:
как точен рисунок, как тени взметнулись
мятежно!
Всевышний художник, картину закончивший эту
нечаянно и небрежно,
вписал и меня в эту темь, не случайно, однако,
чтоб было кому наблюдать, восхищаясь и плача,
сплетенье летучего снега, могучего мрака
и робкой своей неудачи...

1972

***

В мою голову сегодня утром
вошла респектабельная Идея.
Она оставила у входа
свою персональную машину
и представилась:
«Я – Идея… Все великие люди
имели меня по ночам…
Вам я делаю снисхождение -
Вы так молоды и бесстрастны».
И она положила голые волосатые ноги
на мой письменный стол.

Я присмотрелась:
красный чувственный рот,
безукоризненный смокинг
и – голые мужские ноги…
«Вы уверены…» – начала было я.
«Дура!» – лаконично заключила Идея
и вышла из моей головы.

Теперь я долго сплю по утрам
и старательно закрываю глаза,
когда слышу, как шуршат под окнами
персональные машины Великих Идей.

07.01.67 г., Казань

***

Сегодня
из черной-черной машины
вылезла голая женщина
и позвала.
Я оглянулась:
со всех сторон к ней сбегались
голые! люди!
«Голые! голые!» – закричала я,
тыча пальцем с балкона вниз,
и почуяла,
что меня покидает одежда.
«А зачем она?» – подумала я
и стала спускаться.

август 1966

ФЕВРАЛЬ 1966 ГОДА
(маленькая поэма)

1.

Город черен лицом. Снега тусклый белок
положения не спасает – темень.
Мне в шубе коротко.
Я в кино иду с незнакомым мужчиной,
говорю:
о страхе, о страхе, о страхе и так далее
сколько возможно.

2.

Дом, где я живу – не мой дом.
Тут пол похож на взлетную площадку
авианосца:
когда взлетают мои самолеты – он дрожит
и вибрирует.
Дом, где я живу – стоит далеко за городом.
Это последний дом – так я считаю.
Окна выходят на сорный пустырь.
Окна нависли над пропастью сумерек.
Видны: лес и факел химзавода,
устилающий фиолетовым дымом полнеба.

3.

Самолеты идут на посадку.
Мне кажется, они снесут дом под фундамент.
Я испуганно закрываю глаза.
А когда открываю их,
самолеты – серебряные, теплые,
как домашние тапочки,
мирно стоят у моих ног, почти под креслом.

4.

Как дует с балкона.
В окне сиреневое марево и полнеба
химической черноты.

5.

Так вот, я иду в кино с незнакомым мужчиной.
Мороз пилит мои ноги под коленками,
еще немного и останутся культяпки.
Мы говорим о катастрофах,
Постигающих пассажирские самолеты,
и еще об убийстве Инги Ворониной.

6.

Меня тогда интересовали только самолеты.
Больше всего на свете – самолеты.
Днем я смотрела вверх и ждала,
что этот, вот этот, ну ни этот так следующий –
упадет на меня и я задыхалась от ужаса
и наслаждения.

7.

Я видела их во сне.
Тысячи самолетов – самых невиданных
образцов.
Я, кажется, изобретала.
Эти самолеты иногда падали – и я гибла
вместе с ними,
и опять смотрела вверх, где кружились
самолеты.

8.

Я полюбила спать.
Я опухла от сна и счастья.

9.

В кино я пошла с незнакомым мужчиной.
Я ему благодарна – он выслушал все без смеха,
и сказал мне, что все проходит,
как прошла у него жизнь.
Я забыла сказать: он был стар, морщинист,
и любил конфеты – все время их ел.

10.

Мне в шубе коротко.
Мороз забирается под нее и грызет мое тело.
Автобуса долго нет.

11.

Две фигуры маячат
на дряблой груди сугроба – мы.
Говорим о самолетах, катастрофах,
о катапультах и пультах управления,
и так далее, сколько возможно…

12.

Я уже сидела в кресле, с балкона дуло,
у ног моих грелись самолеты,
когда пришел автобус.

13.

Я ходила в кино с незнакомым мужчиной.
Он успел на прощание
сунуть в карман мне бумажку
с названием новейшего лекарства,
успокаивающего нервы,
утверждая при этом,
что ему оно здорово помогло.

февраль 1967г.

***

Бьюсь о дома...
Так бред беременной о стены бьется.
И улицы, как узкие колодцы,
все вниз да вниз...
Я билась о дома
и плакала от тесноты и боли.
Я падала,
я обдирала локти.
Я билась, как неопытный на ринге
боксер, распластанный,
почти растертый
апплодисментами и криками толпы.
Плакатами рассвечивались рынки
чужих ущелий, улиц, лиц...
Коты
за мною шли –
от доброты, наверно...
Я прогнала их,
мне они мешали.
Я этой мешанине слов прощальных
не верила,
и мне уже жилось в твоей душе,
как в старой ране
червяку живется.
Отсвечивая кровью не своей,
я билась в узких наледях колодца:
я не любила –
это тяжелей...

февраль 1966, Казань

***

В соборе привратница резала дыню,
и было пустынно,
и много старинных
вещей ее окружало.

Над капелькой сока муха жужжала.

В соборе пустынно, темно и высоко.

А мужа дрожала над капелькой сока.

Привратница резала дыню усердно.
В соборе пустынно, темно и музейно:
так много старинных вещей и распятий...

И пятен, и пятен на рыжем полу...

Я все это вспомнила,
сидя на мусорном ящике:
собор и привратница
были ненастоящие.
Скажу в заключенье,
скажу вам на ухо:
реальна лишь старая
серая муха.
Вот съедена дыня –
и дыни не стало!

Над капелькой сока муха жужжала.

август 1966г., Рига

***

Это не я, нет, не я
скатываюсь с танкодрома
в вечно-зеленом дырявом автобусе.

Это не я, нет, не я
продираюсь к выходу
утопая в черно-зернистой толпе.

Это не я, нет не я
плачу во сне от нежности,
ласкаю большую лохматую голову
маленького животного:
ослика, зайца, ежа...

Это не я, нет, не я
одна на пустынной улице,
в пыльной квартире.
у высохшего колодца...

«Было ли это, – шепчу я,
склоняясь над плачущим сыном, –
Было ли это? И разве
я это – я это – я?...»

1974 г., Казань- Москва

ゆめ

ゆめはプロペラの羽根
朽ちたシルク
中国ふう扇子の
ゆめは割れ目
そこへここちよく落ちる
ゆめはおくびょう者
秘密っぽくて
子どものころのパッション

ゆめは赤毛のピエロが跳ねまわる
治りかけのくぼみが肺のなか
結核サナトリウムで
甘い痛みが顔に浮かぶ

Сновидение – лопасть пропеллера
шелкистлевший китайского веера
Сновидение – пропасть
в которую сладко упасть
Сновидение – робость
и тайная детская страсть

ДОЛИНА ЖЕН
баллада с эпиграфами и эпитафией

«Как Вы можете, нежная женщина,
так выражаться?!!!»

С. Джамбинов

«Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит...»

М. Ю. Лермонтов

Будь она проклята – эта ночная долина!
Этот полночный, морочный, молочный туман!
Сном одолела и, подлая, с ног повалила,
заполонила, наслала полынный дурман.

Шел я к любимой, да ночь по дороге застала.
Шел налегке, лишь любовь мне светила, святей...
Как это вышло, что света в пути не достало?
Вижу: бредут – разномастные сорок блядей.

Длинные волосы – или туманные пряди?
Морок болотный – иль вправду нагие тела?
Юные, статные, старые тертые бляди,
с цепкими пальцами, липкими, словно смола.

Сорок блудниц, как ни глянь, ровно сорок
по кругу:
слева направо иль справа налево считай!
Каждая тянет немыслимо длинную руку:
«Дай, что имеешь! Отдай все, что можешь!
Отдай!!!»

Снял я часы, и нательную отдал цепочку,
вынул из джинсов расческу, платок, гонорар...
Думал: отделаюсь малым и выстою ночку.
Ведьмы настырные грабили хуже татар.

«Дай мне! Отдай мне!» – визжали, как дикие кошки.
В душу впивались, просили, вопили, трясли.
Вывернул душу и вытряс последние крошки -
не пропускают! По кругу, как в землю вросли!

Что за напасть?! Роковая шекспирова драма!
Гоголь с Булгаковым шутки шутили не злей!
Ведь улетела к любимой моей телеграмма -
ждет не дождется меня в коммуналке своей.

Снял я футболку и пыльные сбросил кроссовки,
думал исчезнут исчадия с первым лучом.
Время тянул. Но плотнее смыкались бесовки.
Джинсы стянул, все им мало и все нипочем!

Думал: очнусь, отобьюсь, этот морок отрину!
И как ни в чем не бывало, к любимой вернусь.
Я приведу ее в волглую эту ложбину,
буду ласкать ее здесь же - вот только проснусь!!!

Кто там стучит в мою дверь? Что за поздние гости?
Двери балконные ходят зачем ходуном?
Чьи там белеют дождями омытые кости?
Как беленой опоили меня перед сном!

Вот я проснулся в предчувствии черном, знобящем.
Дверь распахнулась – я вышел на хлипкий балкон.
Ворон ли вещий, литые слова говорящий?
Ветер ли вящий гоняет бесстыжих ворон?

Внемлю покорно, отравленный сном небывалым,
истинам ветхим, которым за тысячу лет:
Не отдавай ничего! Кто поступится малым,
все потеряет навек, хоть Господь милосерд...

Знаю теперь, что ответить бесовкам негодным:
«Нету для вас ничего! Мне вам нечего дать!»
Сгинут, клубясь... Но в прозрении богоугодном
только любовь может эти слова подсказать.

Знаю теперь, что в долине ночной, нелюдимой,
душу мою обглодали, на нет извели.
Нет у меня – ни меня, ни души, ни любимой!
Гроздья тумана, как статуи в землю вросли...

ЭПИТАФИЯ

И я,
любви твоей лишен,
сошел на нет –
в долину жен.

В крымских степях, где туманны ложбины глухие,
помню могилу, над нею не помню креста.
Помню: впиваются клочья тумана нагие
в камень надгробный – на нем эпитафия та.

июль 78 г., Пицунда
март 84 г., Москва

ПУТЕШЕСТВИЕ

Приду – и лицом упаду в кровать,
осекшись на добром слове.
Какая разница, где мне спать –
в Будапеште или во Львове?!

Это блаженство для единиц:
лишь воспаленный разум
спит, путешествуя без границ,
все обнимая разом.

Словно никто нам ни сват, ни брат,
снова приди – и рухни.
Утром разбудит тебя аромат
австро-венгерской кухни.

сентябрь 1984 г., Будапешт

ВОЖДЕЛЕНИЕ

Вожделение – лабиринт,
где голые стены лоснятся
от масляной краски,
и блестят,
словно глазки
монолитного носорога,
где стены свисают
отлого,
и гладят тебя,
и галдят,

где глупо стесняться,
где сны несусветные
снятся,
где махровое
гиблое место,
где стены
свисают отвесно
и гонят тебя.
и теснят.

Вожделение – ротапринт,
размножающий наши желанья,
где всякий подумает:
«лань я»
или что-нибудь вроде:
«олень я!»,

где не спрашивают
позволенья,
но холят тебя
и казнят.

Вожделение – это деление
на неравные части,
отчасти
от счастья,
немного от горя.
Где тебе по колено
море,
где не можешь
себя обуять,
где тебе меня
не понять,
а тебя понять –
я боюсь!

Вожделея,
тебе приснюсь…

1986

СОН О КАЗАНИ

Вдруг опознать себя на остановке –
во сне –
в полузабытой обстановке:
осенний дождь,
колючий, как щетина…
Я вспомнила себя –
не ощутила!
Я вспомнила:
здесь жизнь моя жила!
И временами так неспешно шла,
на вузовский учебник налегая,
как будто предстояла жизнь другая,
как будто я жила взаймы и впрок.
Все быстро миновало –
вышел срок.
Какая-то банальная история…
Мне скоро выходить –
Обсерватория.
Мне замуж выходить
детей рожать!
Схватила сон в охапку –
и бежать…

1985 г., Москва

СОН ВАРВАРЫ СУХОВЕЙ

(1988 год, Москва)

Во сне она летала. Нагишом.
Поскольку сон вершился в полнолунье.
И приземлилась возле самой клуни
на дедов двор, заросший спорышом.

Трава – как бархат под босой ногой.
А третьи петухи еще не пели…
Она металась в скомканной постели:
ей стало стыдно быть сейчас нагой.
Вовсю светила полная луна.
Вдруг во дворе Варвара не одна?

Она прикрыться чем-то захотела,
украдкой двор просторный оглядела,
как детство незабвенный, но увы…
И увидала… Книжные шкафы:
они образовали во дворе
огромное дубовое каре!

Не ульи, не рогожные мешки,
что так уместны во дворе крестьянском,
а золотые блещут корешки
на русском, на французском,
на испанском!

Не чечевица или там фасоль
горой лежали у беленой хаты,
а выставляясь всяк на свой фасон,
тисненые теснились фолианты.

А хутор спал. Молчали петухи.
Луна смотрела вниз на эту небыль.
Но за какие, собственно, грехи
стояли книги под открытым небом?

Скользя по оксамиту спорыша,
приблизилась она к шкафам огромным.
Саднила оголенная душа,
взалкавшая Брокгауза с Эфроном.

И как ей сон от яви отличить,
а женственность свою - от малолетства?
Когда б ей эти книги получить
все разом, задарма (сиречь – в наследство).

В конце концов, ни золото монет,
ни жемчуга, сапфиры и топазы,
ни рослый дог и ни шотландский плед
не тронули ее души ни разу.

А зависти в ней не было и нет.
И как бы ни жила она убого,
роскошный ни один аппартамент
не вызвал нарекания на Бога.

Единственное, что ее влекло,
что привносило в жизнь немного света,
что возбудить желание могло:
шагреневая кожа раритета!

Те книги вожделенны и важны,
какими ей не обладать от веку:
три поколенья, минимум, должны
такую собирать библиотеку!

За что же ей страдания сии,
тяжелые душевные вериги?
Ведь часто, отрывая от семьи,
отец и мать ей покупали книги.
И много книг.
Но книг обыкновенных:
нет букинистов в городках военных!

Отец бы мог, не надрывая жил,
скопить для дочерей добра немало,
когда бы дослужился и дожил
до должности штабного генерала.

Под хвост попала как-то раз шлея:
женился на молоденькой литовке.
Его взнуздала новая семья.
Он был теперь полковником
в отставке.

Рыб покрупнее – ловят на блесну…
Тут мало отношения ко сну,
все это просто так пришлось ко слову.
Любой стежок ложится на основу.

Варвара спит.
Ей снится сон, вестимо,
о том, что жизнь с мечтой несовместима.

Такая тут взяла ее тоска!
Такой сквозняк в душе, такая свара!
Кольнуло ниже левого соска.
В слезах проснулась бедная Варвара.

Такие сны – кромешная беда.
Она с усильем подавила всхлипы.

…За стенкою Аглая, как всегда,
гоняла новые видеоклипы…

СОН В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

Р. Б.

Спи.
Покрывалом Синайской пустыни и небом,
взметнувшимся над головою -
укрою.

Спи.
Звездный путь гипнотических диких гусей[1]
над тобою восстал –
ты устал.

Спи.
Ветер звездное просо так густо и пряно
над нами просеял –
у горы Моисея.

Спи.
Головой на восток, ну а ноги туда,
где горит бедуинский костер –
ты простер.

Спи.
Ведь английская поздняя ночь не напрасно
бела и туманна,
как небесная манна.

[1] Древнетюркское название Млечного Пути.

Спи.
Там, где сон тебя тяжкий
железной узорной уздою взнуздал -
ты устал.

Спи.
Распластавшись от моря до моря, в пустыне,
и как рукавицу за пояс -
заткнув мегаполис.

Спи.
Мой избранник.
Спи, межзвездный скиталец и странник.
Пусть очнется душа на рассвете
в монастырской мечети[2].

март - октябрь 1997 г.
Синай–Лондон

[2] Мечеть внутри православного монастыря
св. Екатерины на Синайском полуострове.

СОН ОБ ИСПАНИИ

Испания – лишь черное на желтом.
А также то, что всяк – свояк – нашел там:
допустим, бычью кровь, свернувшуюся ртутно,
случайную любовь, сверкнувшую беспутно,
иль стихотворный плач периода распада
и сон, бегущий вскачь... Не греза ли – Гренада?
Литературный фон, вотще в душе носимый.
Автомобильный гон опасней, чем лосиный:
за горсточку пессет – висеть шарами в лузе,
запойно оглазеть просторы Андалузьи.
В духовные отцы возвесть певца и хвата.

Как солнечны дворцы эпохи халифата!

Кто подлинник сличит с подтекстом дня и ночи?
Испания – перчит, рифмует и чесночит.
Жара вскипает всклень – и нет живого места.
Благословенна лень – божественна сиеста.
Ажурна тени суть. По золотому зною –
ужо тебе! – несут поднос с живой водою.

Сон ловят на блесну... Чернеют тени тминно,
Добавив в желтизну и сини – и кармина.

1998

СОН О СЛОВЕ

Печалилась, что речь моя ясна,
что тайных Знаков нет – одни значки...
И вот приснились не стихи, а письмена:
крючки и точки,
точки и крючки...

То Слово явное, то чистое Число –
отрада тайная старинных словарей –
возвысилось, гордыней заросло:
пырей и пустошь,
пустошь и пырей...

Неясности и темные места,
как черный пал змеились и вились...
О чистой тайне белого листа
молись и помни,
помни и молись.

14.01.97., Лондон

***

«Не дай мне Бог сойти с ума,
Уж лучше посох и сума...»

А. С. Пушкин

И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес –
довел до слез.

Неужто бедный и больной уйдет с сумой?
Неужто бедный и больной уйдет с сумой?
Неужто бедный и больной уйдет с сумой -
зеленый мой…

Печальный пес зеленый мой мне был, как брат.
Не стой у врат с своей сумой – ступай назад!
Иль лучше я уйду с тобой -
где посох мой?

29 ноября 1997 г., Москва

***

Р.Б.

Однажды проснулась, а мы – в Ленинграде,
осенние тени на ржавой ограде,
с тобой – нареченным – и не было ближе! –
сказавшим тогда же: вот мы и в Париже.

Сегодня проснулась, а ты – в Петербурге,
воркуют на Невском веселые урки,
в том городе сивом, забвенном и чуждом,
и все же сравнимым с Парижем жемчужным.

Проснулась и думаю: Господи Боже,
на что наша жизнь так ужасно похожа?
Ужель и она только чье-то подобье,
лишь ржавая лжа – подражанье холопье.

Проснулась зачем-то почти среди ночи.
Какую судьбу ты тогда напророчил!
Я помню, как страстно в ночи, у канала,
взалкала не копии – оригинала.

Проснулась и вспомнила, как обожала,
как люто тебя у себя придержала,
любила, как будто бы шла на закланье.
А что есть любовь, если не – вспоминанье.

Проснулась и знаю: ты помнишь об этом.
На Невском проспекте лучами прогретом,
под Южным Крестом, на Синае, на Темзе –
все там же, о том же, по прежнему – с тем же.

26.08.99 г., Лондон

СНЫ НАД БЕЗДНОЙ

Мне что золото, что олово –
даже сны мои провисли!
Отчего все время в голову
лезут маленькие мысли?

Так провисли сны над бездною,
так влекут необоримо,
словно наше время местное
с вечностью соизмеримо.

По закону непреложному
сон мой зыблется знакомо:
там великое к ничтожному
поразительно влекомо!

Там мытарства безобманные
рядом с промыслом Господним,
там в края обетованные
ты войдешь в одном исподнем.

Вызывает нарекание
сходство вымысла и жеста.
Сон ведь тоже – бытование,
репетиция блаженства!

Замордован жизнью скверною
там, несомый силой крестной,
воспаришь над бездной серною
словно ангел бестелесный.

30 августа 1999

***

В сумраке сознания ёжик копошится:
роется, вздыхает и шуршит.
Если что-то кажется, нужно побожиться –
сумрак сразу съёжится, ёжик убежит.

22.10.97, Лондон

***

Ушла с душою уязвленной
искать приюта во вселенной,
в ночном саду нерукотворном
окликнутая горним горном.

И ей, ветрами уносимой,
был явлен выход столь простой:
полет души неуязвимой
над беспросветной суетой.

18.02.00

ПОЛУДЕННЫЙ СОН ОЛИГАРХА

Солнце светит. Но не жарко.
Ветер затихает.
В голове у олигарха
бабочка порхает.

Книга мудрых изречений.
Вечные вопросы.
Дети падают с качелей,
как в повидло осы.

Те, кто встали, не ледачи,
уж идут с обедни.
Этот день на летней даче
может стать последним.

2005

***

Во сне стремителен полет
и непосилен.
Там птица райская поет
и птица сирин.

Там ясный знак нам подают –
уму и телу:
«Живи, пока не призовут
к иному делу…».

06.06.05

СНОВИДЕНИЕ В САДУ

Тебе охотно расскажу, а ты послушай,
о сновидении в саду под старой грушей,
под белой яблоней, под голубой сиренью,
где веет негой золотой и сладкой ленью.

В саду, под полною луной, в траве медвяной,
ты мне приснился молодой, смурной и пьяный
от ярой страсти, от любви неутолимой,
под росной вишней и под изморозной сливой.

А там, во сне, в голубизне, ясней детали:
миндаль отцвел, но абрикосы расцветали,
и трепетали на груди, на влажном теле,
не мотыльки, а лепестки, что облетели.

С такою силой все вокруг благоухало,
что сновидения в саду мне было мало,
и захотелось мне с тобой вдвоем проснуться,
чтоб с этой призрачной судьбой не
разминуться.

Клубились в розовом дыму цветы и травы.
А мы любили наяву, и были правы.
И бушевало по весне любви цветенье.
И снова снился сон во сне – про сновиденье…

16.12.05, Лондон

НЕЛЮБОВЬ

Странная штука эта «нелюбовь»,
напоминает смерч в сухой степи:
когда курится пыль,
запорошив глаза,
волнуется ковыль,
не видно ни аза,
песок уже хрустит
на молодых зубах,
и пот на лбу блестит,
и пробирает страх:
что мчится за тобой,
стенает и рычит,
не любый, а любой –
настигнет и схарчит…

20.05.05, Лондон

***

Эти жизни сами за мной идут,
словно кони пофыркивают и ушами прядут.
И ослы, и верблюды, и эти слоны,
словно дни или годы мои сочтены.
Что за стадо огромное дней и ночей?
Но отбился ягненок – ничей…

24.05.05., Лондон

ДЕВУШКА И АНГЕЛ

***

Я живу в пещере,
в Иерусалиме,
под городской стеной.
Хожу с кувшином по воду,
Толку зерно в оливковой ступке,
Выметаю сор из пещеры,
Пеку лепешки на раскаленном камне.
А вот и Ангел мой возвращается.
И на фоне закатного неба
Просвечивает насквозь.
Вижу, что устал.
Налетался.

***

Отец не вернулся с битвы.
Мать слегла и почила.
Я осталась в белой пещере,
Выдолбленной моим дедом
В мягком известняке
На холмах, под Иерусалимом.
Но я не одна. Не одна.
Ведь у каждого есть свой Ангел –
Его только нужно увидеть.

***

В округе много камней:
Сердолики, нефриты, агаты.
Попадаются даже опалы.
И конечно, же много слюды,
Перистой и слоистой.
Собираю букет из камней,
Потому что травы пожухли,
И цветы поникли от зноя.
А в пещерке моей на стене
Зеркальце слюдяное.

***

Не скажу, что меня обижают.
И все-таки люди болтливы,
Нет-нет да и скажут слово
Памятное и злое.
Я придумала, как уцелеть:
Нужно выдолбить в грунте ямку,
Закопать поглубже обиду,
Притоптать и песком присыпать,
Придавить же все – самоцветом.
Возвращаются люди с поля,
Говорят: Смотри, как красиво!
Мозаичные эти узоры,
словно пол в ближней римской бане.
Жениха, наверное, ждешь?

***

По утру у порога – лужа.
Значит снова с громом тягался!
И купался и плавал в туче,
Что вчера обрушила воду
На иссушенные поля.
Значит он отряхивал перья
От тяжелой небесной влаги
Перед тем, как в пещеру войти.

3 сентября 2010 года

***

Сон: застолье, где каждый пришедший
приветствовал другого словами:
«Брат, не облагай меня налогом!».

2 марта 2011 года, Венеция

Пишу каким-то странным слогом,
Во тьме кроша карандаши:
«Не облагай меня налогом
По бедности моей души!»

Не различаю верха с низом
Во тьме губительной уже:
«Ты обнеси меня акцизом,
Дай послабление душе!

Под кров небесного гаранта
Укрой от мелкой суеты –
Для умножения таланта,
Помноженного на труды».

29.07.11., Лондон

СОН ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Р. Б.

Дождь шел по косой,
Следом шел громобой.
Сон перед грозой
Светлый – не гробовой.

Град шел полосой,
Мрак, ужас и вой.
Сон перед грозой –
Яростный, молодой.

Выл ветер ночной.
Шел фронт грозовой.
Но кто-то родной
был рядом со мной.

Блеск молний ночных
Дал ясно понять:
Ты – вечный жених
И нас не разъять.

18 мая 2012., Лондон

***

Сказал. И тут же убежал.
Сказал. И мелко задрожал.
Сказал. И словно в землю врос!
А что сказал – большой вопрос…

В ночь на 1 июня 2011
Поезд Москва-Петербург

ДЛЯ
ХУДОЖНИКА:
ДАЛЕЕ НУЖЕН
ШМУЦТИТУЛ ИЗ
ЭШЕРА
ПЕРЕД ДОЛИНОЙ
ПОПУГАЕВ

ДОЛИНА ПОПУГАЕВ

Спускаться в долину нужно было по узкой каменной лестнице без перил и любой маломальской опоры, да еще и ступени ее заросли скользкой ползучей травкой. Нелегко было преодолеть этот крутой спуск, ведущий в узкую горную расщелину.

Но она спустилась, и выйдя из-за уступа скалы, очутилась на безлюдной парковой аллее, показавшейся ей еще более пустынной и голой от отсутствия кустарников или хотя бы свалявшейся на солнцепеке травы, но зато густо обсаженной уходящими в перспективу чахлыми пыльными пальмами. Земля под ногами была сбита в камень, припорошенный глубокой, почти по щиколотку, пепельной пылью.

Она готова была уже разочароваться: проделанный ею рискованный путь явно не соответствовал полученному результату.

Но тут слетелись попугаи.

Их было так много, что она поначалу даже слегка испугалась и отступила. Не тут-то было. Попугаи и попугайчики, самых разных размеров и удивительных расцветок, окружили ее радужным порхающим кольцом. Они летали вокруг нее, ходили у ее ног

по земле, подпрыгивали и словно бы (она не сразу даже это сообразила) ластились к ней, просились на руки!

И все же, даже пораженная увиденным, она ни на минуту не забывала, что ей обязательно сегодня нужно успеть на вечерний самолет, чтобы вернуться к своей семье, которую она неожиданно даже для себя оставила, никого при этом не предупредив, в соседнем городе этой чужой и знойной страны. Уж не ради ли этих попугаев...

Да возжелай она погладить и приласкать каждого, ей не хватило бы времени, отведенного ею самой для этой прогулки!

Больше всех преуспел пушистый и круглый, словно шарик, зеленый попугайчик. Он по-свойски разместился в ее ладони, заставив ее при этом слегка сжать пальцы, от боязни выронить это мягчайшее ласковое чудо, сладко щекочущее ее кожу своими перышками.

Боже мой! – подумалось ей. – Как же они, должно быть, одиноки! Им так не хватает ласки! Они готовы в каждом случайном прохожем видеть свою родню, словно брошеные детишки из детского дома. Оттого, наверное, в эту долину и едут люди со всего света, чтобы приласкать малых сих. А то и самому приласкаться...

И эта знаменитая местная жара, вернее, нестерпимый зной, высушивший землю до состояния пороха, никому не помеха. Это просто сегодня так все совпало, что никого тут нет, но Серафима слышала от кого-то, что порою здесь не протолкнуться от желающих.

Желающих чего – только теперь она и поняла.

Эта долина странных попугаев, словно бы очеловеченых желанием прикоснуться, прильнуть, припорхнуть, доверчиво прижаться к постороннему человеку, тем самым как бы приняв его в свою родню, была совсем небольшой, неширокой и вполне обозримой для глаз.

Куда бы она ни посмотрела, повсюду в горячем белом вохдухе роились и порхали попугаи. Крупные и большие, сбиваясь в стаю, красочными живыми гирляндами свисали с неба. А те, что поменьше, мельтешили и болтались у нее перед носом, как цветные китайские фонарики или размалеванные во все цвета радуги воздушные змеи.

Порой они опускались у ее ног и словно бы выстраивались в очередь, ожидая, что она вот-вот освободится и успеет погладить алый или лиловый, зеленый или оранжевый дрожащий от нетерпения хохолок.

Нетрудно было заметить, что очередь они, в отличии от людей, соблюдали, пропуская вперед самых маленьких или, может ей это только показалось, потрепаных и несчастных.

Нужно было спешить, но она вместо этого присела на выщербленную ветрами каменную скамью, и только тут почувствовала, как устала.

От невероятной жары и зудящего, как стая таежного гнуса, изнуряющего зноя ее пробил внезапный озноб. Она бы с удовольствием откинулась на спинку скамьи, чтобы хоть немного отдохнуть и расслабиться, но похоже кто-то тщательно продумал и организовал пространство и в самой долине, и вокруг нее: спинки у скамьи не было. Со всей очевидностью посетителям предлагалось держаться за раскаленный воздух и при спуске в долину, и при прогулке по ней.

Она попробовала устроиться поудобнее на скамейке, до блеска отполированной тысячами предыдущих любителей раздавать свои нежные ласки несметным стаям непуганых попугаев, и чуть не опрокинулась назад от неожиданности.

Как она могла сразу их не заметить? От жары, что ли, глаза заплыли или в голове помутилось от зноя…

На краешке скамейки, утопив клюв под крылом и словно бы свернувшись клубочком, лежал (или сидел?) совершенно желтый попугай. Похожий на облачное золотое марево или миражное видение, этот «милый, милый, большой дуралей», мог пострадать от ее неловкости. Она попросту могла бы на него сесть, не заметив. И хорошо, что вовремя отстранилась.

Да и жив ли он? Так неподвижен…

Она уже протянула к нему руку, чтобы дотронуться, но тут это желтое облако зноя само зашевелилось и, откинув в сторону одно крыло, распустило веером блестящие перья и словно бы потянулось со сна. И тогда Серафима увидела под его крылом еще один жаркий оранжевый шарик: попугайчика-младенца.

Ох! – умилилась она. И тут же, словно бы ей подсказали, догадалась, что это отец, стерегущий, оберегающий от напастей крохотного младенца-сына. У этой семейной идиллии было явное мужское «лицо». Почему она так подумала, она не смогла бы объяснить, наверное, никому. Догадалась и все тут.

Серафима прекрасно знала, что такими страстными отцами, себе во вред, бывают только антарктические пингвины, остальные птицы-отцы не так чадолюбивы, хоть и добывают для птенцов корм наравне с самками.

Но защищать своего младенца от холода или жары и любой другой грозящей им напасти ценой собственного благополучия или свободы передвижения могут только пингвины.

Иногда и люди. Но только иногда...

Раскаленное добела и оттого почти невидимое солнце было уже готово, как она вдруг ощутила, погасить свою жаровню, этот раскочегаренный небесным сталеваром плавильный цех. Стало легче дышать, и это были первые признаки скорого вечера, предверие заката. Она по опыту знала, как быстро темнеет на юге. Следовало спешить.

С явной неохотой поднялась она со скамьи, не забыв при этом ласково потрепать желтого папу-попугая по большущему, просто-таки королевскому хохолку (на младенца она не посягнула из боязни навредить), и пошла себе восвояси.

Скоро заямачил и выход из долины. Пошли какие-то невзрачные домишки, почти лачужки и бесконечные южные лавчонки со всякой всячиной, от оплавившихся на солнце фруктовых пирамид до дешевого сувенирного барахлишка, почти как в Дели или Джайпуре.

Стали попадаться редкие прохожие храбрецы, не устрашившиеся драконьего дыхания

неслыханного зноя. Все это были, конечно же, местные жители. И потому Серафима глазам своим не поверила, увидев среди них молодую женщину европейского вида с двумя детьми (одна дочь была на руках!), и еще больше удивилась, признав в ней знакомую по Москве хозяйку модной художественной галереи.

Катя Озерова тоже заметила Серафиму, они остановились, и было заметно, что неожиданная встреча в столь экзотических местах если кого и удивила, то только одну Серафиму.

Невозмутимо, как нечто обычное, Катя сообщила, что они всегда отдыхают всей семьей именно в этом месте. Две катиных девочки, пяти и двух лет, известные их общим знакомым своей неудержимой, почти болезненной гиперактивностью, вели себя на удивление тихо и спокойно. Пожалуй, что стоило сюда с ними ездить, если это место так на них влияет.

«Но тут же скука, наверное, смертная! Ничего интересного нет, я уверена, кроме этой долины!» – горячо воскликнула Серафима, с неожиданной для себя самой бестактностью.

«Ну, что ты, – спокойно возразила Катя, - посмотри, какой прекрасный город. И очень древний...».

То ли жара и вправду стала спадать, потому что бесцветный раскаленный воздух, прямо на глазах, стал приобретать объем и цвет. И в голографическом воздушном пространстве, под лучами вечернего ультрафиолета, вдруг словно бы сам собою нарисовался на фоне неба невидимый до этого город.

Дома с высокими крепостными стенами, с узкими, как щели или бойницы, окнами, были сложены из темных, покрытых влажным зеленым мхом (в этих-то широтах!), каменных глыб. Глубокие, как горные теснины, улицы-ущелья стекали с окружающих гор в Долину Попугаев, словно каменные водопады, сами по себе, без человечьей воли, нагромоздившие эти многоэтажные жилища.

На самолет она, конечно же, опоздала. Чувство вины перед покинутой неизвестно ради чего семьей троекратно возросло, душа болезненно сжалась и засаднила. Серафима уже пожалела, что не спросила Катю, где та остановилась.

Не успела она подумать о том, как и где теперь скоротать жаркую южную ночь, в чужом-то городе и в чужой стране, как в дверь ее номера в пятизвездочном отеле Пальм-бич громко и настойчиво постучала бестолковая горничная.

Серафима спросонья едва поняла, что опять забыла с вечера вывесить за дверь пластиковую табличку с просьбой на пяти языках: «Не беспокоить!». И неохотно, но окончательно проснулась.

Уже много лет подряд, в январе, что бы ни случилось, она старалась улететь на неделю или две именно сюда, в этот отель не просто на берегу океана, а, как ей хотелось думать, на краю света.

Облюбовав однажды и навсегда южный берег маленького атлантического острова в ста километрах от Африки, она берегла в себе эту находку, как интимную тайну или редкое сокровище, и никому о нем не говорила, боясь, что если не украдут, то обязательно сглазят.

После завтрака Серафима вышла на бесконечную набережную, возвышавшуюся над пляжным береговым пространством ровно настолько, насколько высоки были скальные берега этого острова-вулкана, дрейфующего в атлантике уже много тысяч лет. Во время прогулки она любила остановиться и смотреть сверху на океан, простертый на юг до самой Антарктиды.

Там, где-то далеко на севере, лежали снега или моросил противный ледяной дождь, а здесь роскошные бугенвилии развесили на

оградах свои разноцветные бумажные фонарики, расплескались в воздухе розовые и голубые олеандры, и прочие неопознанные нарядной курортной публикой растительные экзоты.

Порхали шоколадно-кремовые бабочки, размером с маленькую птичку. И большими шумными стайками перелетали с места на место изумрудные и алые попугайчики, похожие на шелковый театральный веер.

Облокотившись о парапет смотровой площадки, Серафима не сразу заметила остановившуюся рядом с ней молодую длинноволосую девицу в шортах, почти полностью обнаживших ее крепкие ягодицы, и в коротенькой майке, открывавшей для всеобщего обозрения розовый выпуклый пуп. Девица закурила и неожиданно визгливым голосом стала подзывать к себе не то приуставшего, не то заупрямившегося ребенка лет пяти, остановившегося неподалеку.

Девочка тоже была в шортиках и (зеркальное отражение мамы) в короткой, открывающей плоский животик, маечке. На голове у нее была повязанная узлом на затылке косыночка, для защиты от неминуемого дневного солнцепёка.

Одну руку ребенка оттягивало большое синее ведёрко с лопаточками и формами для песчаных куличиков на океанском пляже, куда

они, по всей вероятности, и направлялись, а в другой она держала крупную лысую куклу, на которой, кажется, помешалась вся детвора планеты, из серии «беби-бёрн». То есть, кукла-новорожденный, кукла-младенец.

Серафиме как-то пришлось по случаю дня рождения дарить эту новомодную нелепицу страшно избалованной пятилетней дочке своей московской приятельницы Кати Озеровой. С тех пор она знала и помнила, что кукла эта и писает, и ест, и плачет настоящими слезами, и руки ребенку оттягивает своим неигрушечным весом.

Ребенок со всей очевидностью дулся на маму и никак не хотел подходить. Но при этом обиженное или расстроенное чем-то дитя прижимало к себе кукольного младенца с такой недетской силой и нежностью, что и ёжику стало бы понятно, как это пластмассовое чудовище преданно и горячо любимо.

Это была любовь – на уровне касанья, на уровне нежной заботы и ласки, как там, в Долине Попугаев.

Чтобы не разрушить очередной визгливой репликой голозадой девицы, призывавшей чадо к послушанию, нечаянно обретенное ею ощущение гармонического равновесия от лицезрения крохотного, но уже умеющего любить существа, Серафима, фальшиво улыбнувшись, промолвила:

«Какая славная девочка! И так любит своего младенца. Наверное, ты будешь хорошей мамой!»

«Это не девочка! – без обиды, и даже как-то весело проверещала девица. – Это – Арктур! Он просто забыл надеть панамку, и я ему повязала на голову свой платочек, чтобы не напекло!»

«Но ведь этот кукольный младенец, смотрите, он уже написал ему на шортики...»

«А он это любит! Он хочет быть хорошим папой!»

И они ушли, оставив смущенной Серафиме смутное ощущение чего-то волнующего и знакомого. Где-то она уже видела этот распушившийся желтый хохолок, непокорно выбивавшийся из-под нелепой повязки. Она машинально взяла в руки глянцевую рекламку, небрежно брошенную девицей на каменный парапет, и прочитала сообщение, сочно и красочно пропечатанное на пяти европейских языках, включая русский:

«Только хорошие новости для наших гостей! В кратере вулкана, в самом глубоком из его ущелий открылся новый голографический аттракцион – Долина Попугаев!»

Всё, сказала себе Серафима, приехали.

2–8 февраля 2006 г.

***

Случайный фикус
в кадке голубой!
Как мог ты оказаться
Моим единственным
Жестоким собеседником
В эти чужие ночи?

13.05.64
Нальчик

***

Как это назвать? В синей пыли
желтые мячики зноя.
Кого бы позвать, чтобы смог объяснить,
что происходит такое?

Откуда высокие тонкие сны
у женщины скучной и грубой?
Кого бы позвать, чтобы мог объяснить?
Кого бы?.. Кого бы?.. Кого бы?...

июль 1965 г., Билибино, Чукотка

ХУДОЖНИКУ: ПОСЛЕ
ЭТОГО НУЖНА КАКАЯ-
ТО ЗАСТАВКА
ПЕРЕД СТАТЬЯМИ ДВУХ
ПСИХОАНАЛИТИКОВ.
ИЛИ ШМУЦТИТУЛ ИЛИ
ФРАГМЕНТ РАБОТЫ
ЭШЕРА.
НО ОТБИВКА НУЖНА
ОБЯЗАТЕЛЬНО

Елена Емелина

СОН КАК ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО В МАСШТАБЕ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЭТА

«Что происходит с нами, когда мы видим сны?

(Б. Окуджава в стихотворении о художнике Пиросманишвили)

Засыпает наше дневное сознание, и мы погружаемся во внутренний символический театр, режиссером которого является бессознательное.

В этой книге собраны «приснившиеся» стихи, и приснились они по-разному. Приходили – звучали или представали написанными – слова и строфы, иногда целые стихотворения, и тогда они закреплялись дневным сознанием на бумаге. И сложно различить, бессознательное ли выговаривалось, решая задачи, стоящие перед психикой, или не успевшее отступить сознание облекало бессознательные образы свободной игрой слов. Иные сны запоминались, как образные содержания, несущие поэту свой исцеляющий смысл и вдохновение – и рождались стихи.

В своем предисловии Лидия Григорьева описывает в кратких словах проблемный период жизни, которому соответствует несколько приснившихся стихотворений, включая «Сон» (1966, Казань), и о нем несколько слов.

Автор сталкивается с пугающей абсурдностью мира наяву, и абсурд зловеще является ей во сне. Образы сна –

«Человек в одежде (под одеждой не было кожи,

были нервы – синие, как от холода)

похожей на дурной перевод с английского,

силился понять, кто он такой»; «тайны с большими глазами»;

электрогитара и символические кошки

(представительницы инстинктивных влечений);

скопец и прочие живые и неживые фигуры –

включены в континиум переживаний, в котором
главенствуют страх и тревога, перемежаемые
растерянностью и сексуальными импульсами.

Любовь мертва, и ее образ это «покойник»,
который «очевидно, обознался».

(О присутствии сексуальных энергий в творчестве и поэзии, в частности, следует сказать, что они являются живительной, поддерживающей силой, как и в реальной жизни. Творение, как процесс, нуждается в непрерывном горении – и когда неблагоприятные условия подрывают ресурс художника, вступают в борьбу с реалиями либидонозные силы и помогают устоять).

«Самосвал-такса» читает стихи неизвестного поэта, и в его образе можно предположить символическое изображение чего-то нелепого, комического,

сваленного кучей – неразборчивого, никому не нужного. Вдобавок неизвестный поэт забыт, и

«… жил он там, где ничего нет,
и жил он там, куда я иду»…

– что может быть более пугающим для поэта-автора, которая и сама «без кожи», с обнаженными нервами?

Стихотворение наполнено многими страхами, и просыпаться страшно…

Из данного сна нет позитивного выхода – он появляется с образами многочисленных самолетов в следующих стихотворениях и мини-поэмках.

Вот и собор («В соборе привратница резала дыню...» (1966, Рига) возникает как храм личности, его духовная возвышенная структура, и эго поэта – Привратница. Образ Привратницы и парный с ней образ Мухи объединены процессом разрезания дыни, капающей сладким соком на пол, на котором уже много рыжих пятен из прошлого. (Само понятие пола в русском языке совпадает с гендерным смыслом слова). Автор сна отождествляет себя с тем, кто пока только При-Вратах храма, и внес в его «пустынное музейное» пространство сладкий плод, который, вполне соответствуя скрытому эротическому наполнению сна, под ножом истекает соком. Такое может случиться, но все же не в самом храме, скорее у его входа, поэтому – Привратница. Муха же, как малая память скрываемого даже от себя наслаждения, останется и после того, как автор разотождествит себя с Привратницей, а свое внутреннее пространство

с храмом, и тем самым снимет противоречие духовного и сексуального, свойственного молодости.

Необычное сновидение-стихотворение «Сон Варвары Суховей». Как мы чувствуем себя, когда нам рассказывает сон другой человек, отвечает на наши вопросы, и об этом человеке мы многое знаем и еще больше узнем, благодаря его сновидению? Лидия Григорьева сопереживает автору сна и выделяет его главную идею, которая представляется ключевой для его понимания:

«Варвара спит.
Ей снится сон, вестимо,
о том, что жизнь с мечтой несовместима».

И далее:

«Такая тут взяла ее тоска!
Такой разлад в душе, такая свара!
Кольнуло ниже левого соска.
В слезах проснулась бедная Варвара…»

Попробуем пройти еще немного вглубь текста-сновидения. Тоска берет Варвару не только и не напрямую оттого, что ей никогда не стать владелицей книжных раритетов, не собрать уникальную домашнюю библиотеку. А потому, что в этих драгоценных книгах и рядом с ними – ее скромная жизнь, судьба, также описанная в стихотворении – обрела бы те высокие значения, которых она лишена. Каких именно значений – мы не узнаем, поскольку не можем спросить. Но реальная

жизнь Варвары предстает во сне в образе сельского двора, символа безыскусной простоты и близости к природе. И эта жизнь личности (возможно, более всего в смысле внутренней жизни, или наоборот – социальной) связана с тяжелым постоянным трудом, преодолением. Варвара видит себя обнаженной, желает прикрыть свою наготу даже во сне, что можно интерпретировать как то, что человек скрывает от людей, и даже от себя, – свою подлинность. В чем именно это выражается? Вопрос сложный. Из сна мы узнаем лишь о том, что содержание внутренней жизни Варвары недостижимо и нестижимо для ее внешней жизни. Отсюда и смятение, и душевная боль на границе между сном и пробуждением.

Вот еще один сон – о символической тайнописи Слова, данного поэту:

«Печалилась, что речь моя ясна,
что тайных Знаков нет – одни значки...
И вот приснились не стихи, а письмена:
крючки и точки,
точки и крючки...»

Поэт ищет особенные, знаковые слова, и во сне они приходят – но их не перевести на русский язык, можно только угадать их значение. Другая грань этого сна, не менее важная, состоит в том, что человек хочет углубиться в свою суть, покинуть уровень ясности, где он все о себе знает – и эта внутренняя глубина является ему во сне, но ее послание пока не расшифровать… Однако искренняя вера в откровение по благодати указывает выход, и символ белого листа можно отнести

не только к пустой странице, но и к непознаваемости, по большому счету, человеческой природы, души:

«О чистой тайне белого листа
молись и помни,
помни и молись».

Интересно и стихотворение-заклинание, последовавшее за сном накануне выступления на творческом вечере:

«И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес.
И у меня сошел с ума зеленый пес –
довел до слез».

Вчитываясь в его строки, постепенно чувствуешь огромное напряжение, высокую концентрацию, которую трудно удержать – столько «раздергивающих» факторов тянут центр личности поэта в разные стороны. Повторение строф, как повторение мантр, успокаивает, снижает напряжение. Образы стихотворения абсурдны, но автору присуще видение абсурда, обыгрывание его. «Зеленый пес», как «брат» – с ним признается сродство, часть личности поэта воспринимается им, как верный, и в своей верности дошедший до безумия – «пес».

Смысловыми выступают глаголы – «сошел», «уйдет», «не стой» – «ступай» и, наконец, «уйду». Уйти в безумие и нищету (с сумой) – такой выход можно выбирать только в моменты безумного напряжения, когда желание уйти в никуда и с пустой сумой кажется благом. И еще «сума» является символом обращения за милостью к людям – о возможной и желательной помощи.

Любовь, страсть, вожделение – в сновидении могут иметь прямое значение, но также и значение стремления к – слиянию, обладанию, творчеству. Обычно все значения присутствуют одновременно, но в разной пропорции, зависящей от обстоятельств жизни автора сна. Нелюбовь, как состояние, узнаваемое в переживании сна, во-первых, присуща самому автору сна, во-вторых, благодаря присутствию ее в личности сновидца, она узнается и воспринимается также извне, и переживаются оба состояния совокупно, как страх преследования, гибели.

Любовь-нелюбовь переживаются во сне – в стихотворном цикле Девушка и Ангел. Тут и Ангел, и природа, и простота бытия, и самоцветы – связаны с любовью; а смерть родителей, а затем обиды, наносимые девушке злословием соседей – с нелюбовью. Девушка стремится сохранить свою целостность в тяготах бытия:

«Я придумала, как уцелеть:
Нужно выдолбить в грунте ямку,
Закопать поглубже обиду,
Притоптать и песком присыпать,
Придавить же все – самоцветом».

Сердолики, нефриты, агаты, опалы – заменяют цветы в безводных горах. Отсутствие влаги интерпретируется, как сухость, отсутствие чувств. Вокруг мало любви! Однако даже недоброжелательным людям внятен язык

созданной красоты, и нам интересны высказываемые ими сравнение и предположение:

«Мозаичные эти узоры
словно пол в ближней римской бане.
Жениха, наверное, ждешь?»

Баня, это место омовения, очищения – именно с очищением от чувства обиды связана мозаика из самоцветов, выложенная Девушкой. Получается, что не только ее освобождению от горьких чувств служит сотворенная ею красота, но и обидчики изменяются к благу. И соседи понимают и принимают то, что Ангел – это жених девушки, и признают их право на этот союз.

Сон и стихотворение заканчиваются нисхождением ливневого дождя. На сухие земли изливается животворная любовь, в которой купается Ангел – и он приносит живительную влагу к порогу пещеры Девушки.

Превращать боль в красоту, исцелять мир – призвание поэта, и личность автора в этом сновидении предстает в образе, объединяющем женское начало в его природной невинности и вестника, приносящего духовные послания: Девушки и Ангела.

Пересечение с коллективным бессознательным, также отраженное в Поэзии Сновидений – проводят в сны архетипические образы и энергии, которые затем проникают в текст, заряжают и окрашивают его. Обычно такое проникновение связано со значимыми переменами в жизни, когда для обновленного существования нам необходимо перейти на соответствующий новый уровень сознания, и мы нуждаемся в помощи бессознательного – а это и происходит в удивляющих, пугающих или других

ярких снах, отмеченных переживанием сильных эмоций.

В отношении сна-пророчества, духовного и философского смысла сновидения, как мне кажется, глубоко справедлива идея о поэтическом логосе души. Душа не говорит прозой! Духовные тексты всех народов слагались в поэтической форме их языка. И сны поэта нуждаются в поэтическом переводе из образного ряда в словесный, именно поэту возможен такой перевод с наивысшей честностью и выразительностью. Получается, что поэтическая форма изложения сна, действительно, может передать скрытое послание из будущего, что обычно не случается у не-поэтов, так как именно присутствие элементов будущего рациональным сознанием, в первую очередь, отрицается, вытесняется, стирается.

Но как самому автору сна-стихотворения и его читателю – уловить этот скрытый смысл из будущего?.. Поэт может проверить опытом жизни – наступает день, и случается событие или переживание – и оказывается, оно уже снилось, было записано, и вначале не было понятно, к чему его отнести, но теперь оно узнаваемо.

Читатель в другом положении, ведь это не его сон. Однако, если в произведении присутствует значительная архетипическая составляющая, переданная поэтом правдиво и эстетически выразительно (а именно это делает поэзию, как логос одной души, внятной и ценной для других), то очень разные люди смогут пережить произведение, как часть внутреннего опыта, как «свой сон».

И вот пример – баллада «Долина Жён». Ее интерпретация усложнена тем, что в произведении (и во сне) присутствует удвоение смысла. Один уровень связан с любовью к человеку, другой – с творчеством,

и в обоих случаях мотивационной пружиной сна является энергия ревности. Что есть ревность, об этом можно немало рассуждать, но главным тут является страх потери самоценности, которая по внутреннему праву уже принадлежит человеку, и это одно из самых сильных, присущих человеку, чувств.

История создания баллады упомянута автором в предисловии. Обратимся к произведению и его первоисточнику – сну. Автор видит записываемое рукой мужа содержание будущей баллады, что показывает углубление внутри процесса сна в творческое пространство. В сновидении фигура мужа является составляющей анимусной структуры женщины-поэта. Как и в каждой женщине ее социально-творческое начало принадлежит маскулинной бессознательной части психики, называемой Анимусом (К. Г. Юнг). Заодно вспомним, что все мужские образы в снах женщины также относятся к структуре Анимуса.

Возникает вопрос – как переживания, относящиеся к медовому месяцу и творческому молчанию (две ревности) отражены в драме на гиблом болоте, где погибает герой, отдавший все, что он имел, сорока блудницам? И в чем «ключ» этого сна?

Возлюбленный, стремящийся к своей невесте, это составной мужской образ, объединяющий грань образа любимого мужа и определенную грань внутренней фигуры Поэта в женщине – их совокупность упокоится в могиле с Эпитафией. Что же происходит в сновидении? Кто эти блудницы?

Женские фигуры в этом сне отображают те грани ахетипической женственности, которые можно отнести к инстинктивным телесно-эмоциональным

структурам, бессознательным и неразборчивым, в энергиях которых растворяется и гибнет всякое творчество – как любовь, требующая постоянного обновления, так и продуктивное художественное творчество. Это женственное проявление негативно в отношении маскулинных форм творчества женщины, но не само по себе, разумеется, так как оно глубоко естественно. (Не случайно творческие мужчины во все времена тяготели к свободе от брачных уз, от постоянства отношений, т.к. во все времена женщина, в которой телесно-чувственная основа требует своей творческой реализации, а именно построения моногамных отношений с мужчиной с целью рождения и воспитания детей, будет ожидать (и требовать) служения мужчины материальному обеспечению потомства).

В случае творческой или социально-активной женщины мы встречаемся с внутренним противоречием между ее природной женственной тягой к творчеству (нередко подавляемой) и стремлением к социальной реализации таланта, в рассматриваемом варианте – поэтического.

Есть сорок (символическое «очень много») причин остановиться и пропасть в болоте без развития творчества (в отношениях любви и поэзии, так как на момент сна тема рождения детей не упоминается), раздав свое творческое начало по мелочам.

Ключом сна является вывод – никаких уступок, никакой даже малой части нельзя отдать – иначе целое отнимется, погибнет без возврата. Что есть это целое? Архетипический страх Художника потерять талант и страх потери развивающейся любви в сновидении сливаются воедино, а затем в произведении

звучат тревожным и грозным колоколом, и вывод делается единственно верный.

Именно такие сны, которые затем осознаются, и выводам из которых человек следует, являются наиболее ценным продуктом работы бессознательного.

Долина Попугаев – объемный сон, записанный прозой. Его важной особенностью является наличие женских образов, связанных с материнством, и двух парадоксальных образов, связанных с отцовством, а также двух «миражей» – и сама парность перечисленных образов указывает на их значимость для личности автора.

Серафима (сновидческое имя автора) испытывает трепетную нежность к окружившим ее попугаям, ласковым и одиноким, «как детишки из детского дома». «Оттого, наверное, в эту долину и едут люди со всего света, чтобы приласкать малых сих. А то и самому приласкаться»... – понимает она во сне, и вслед за ней понимаем и мы, что внутри Серафимы огромная и неутоленная потребность в ласке, в переживании доверчивой любви. Эта любовь родительско-детская, безусловная по сути, проявлена в образе желтого попугая-отца, прячущего под крылом малыша, а так же москвички Кати с двумя дочками и молодой матери с «визгливым» голосом и сыном, повязанным, как девочка, платочком. И вот первая чудесная трансформация любви – Катины девочки перестают быть гиперактивными, спокойны и довольны

Трансформация происходит во сне и с самой сновидицей, посетившей Долину Попугаев, на фоне нестерпимой жары. Эта жара – также символ, описывающий противоречивое состояние мучительного напряжения, которое не может перейти в расслабление, хотя по своей

сути только его и требует, и ожидает. Вместо этого - изнурение зноем, вызывающее реакцию озноба. Движение, дыхание – через силу, и никуда не спрятаться.

Жара не отступила после первой встречи с переживанием любви в Долине Попугаев. Но рядом с материнской спокойной любовью Кати, которой не скучно отдыхать всей семьей в негостеприимном жарком месте в ста километрах от побережья Африки, у Серафимы наступает изменение сознания.

«То ли жара и вправду стала спадать, потому что бесцветный раскаленный воздух, прямо на глазах, стал приобретать объем и цвет. И в голографическом воздушном пространстве, под лучами вечернего ультрафиолета, вдруг словно бы сам собою нарисовался на фоне неба невидимый до этого город.

Дома с высокими крепостными стенами, с узкими, как щели или бойницы, окнами, были сложены из темных, покрытых влажным зеленым мхом (в этих-то широтах!), каменных глыб»... Невидимое в напряженном состоянии - при успокоении и расслаблении становится видимым. И город (целый мир!) возникает вполне европейский, то есть «не жаркий», о чем и намекает образ влажного мха на камнях.

И всё – о жаре больше нет упоминаний, жара оставила Серафиму вместе с осознанием: «Чувство вины перед покинутой неизвестно ради чего семьей троекратно возросло, душа болезненно сжалась и засаднила».

В следующем эпизоде сна Серафима, гуляя по набережной над океаном, встречает мальчика с матерью, которая не выглядит воплощением материнской любви, но при этом вполне приветливо реагирует на реплики Серафимы, обратившей внимание на то, что

«…обиженное или расстроенное чем-то дитя прижимало к себе кукольного младенца с такой недетской силой и нежностью, что и ёжику стало бы понятно, как это пластмассовое чудовище преданно и горячо любимо».

Интересная символическая деталь – платочек, делающий мальчика похожим на девочку – голова мальчика (ее содержание, сознание) во сне служит тут образом женственности, материнства. Мы снова встречаемся с проявлением отцовской любви, и снова необычной! Не случайно Серафиме, при взгляде на головку мальчика и его торчащие светлые волосы, вспоминается желтый хохолок попугая.

Итак, для Серафимы родительская любовь должна быть и материнской, и отцовской, одинаково нежной и жертвенной, и к ней надо готовиться с детства, но встречается ее отцовская составляющая не часто.

Прежде, чем мы сделаем предположения, кто же такие попугаи, рассмотрим второй, ретроспективно осознанный «мираж». Серафима прочитала в брошюре, отброшенной мамой мальчика с куклой-младенцем в руках:

«В кратере вулкана, в самом глубоком из его ущелий открылся новый голографический атракцион – Долина Попугаев!»

Попугаи, с их потребностью в любви, и даже желтый попугай-папа с малышом под крылом – это голографический атракцион, позволяющий посетителям пережить чувства нежности, любви, сострадания, сопереживания и пр.

На что похож такой аттракцион, пробуждающий наше воображение? На искусство – оно пробуждает наши чувства. Тогда попугаи – стихи? Ведь мы погружены в сон поэта, женщины, и для нее творения ее таланта могут быть подобны маленьким, нуждающимся в ласковой заботе, детям. (Отсюда образы отцовства, ведь произведения – не настоящие дети, это плоды творчества, предназначенные социуму).

Попугаи – особенные птицы, они могут говорить, т. е. имитировать человеческую речь, которую они отчасти иногда понимают. Но сон может усиливать внутреннее содержание образа попугая, как говорящей птицы. Во сне они молчат, о способности говорить нам напоминает только название птиц и Долины.

Яркие птицы, своим оперением напоминающие райских птиц - и возникающая ассоциация одухотворяет образ. Птицы в мифологии связаны с вестью, мыслью, полетом души.

Долина Попугаев расположена в жерле вулкана. (Хотя остров реально является вулканическим, образ реальности использован сном для усиления символического смысла). Жерло вулкана, пусть остывшего, но по своему звучанию усиливающее ощущение жара, своей геометрией обращает нас к образу материнского лона Земли, некогда извергнувшей из себя этот каменный остров.

В Долине, населенной воображаемыми попугаями, т.е. вблизи своего внутреннего источника творчества, поэт переживает любовь и трепет по отношению к своим творениям, каждое из которых – в очередь, начиная со слабейших – ждет ее целительного прикосновения.

Но во сне присутствует еще один план. Это противоречие между реальной материнской любовью и странными образами отцовства – небывалым в природе (попугай) или искусственно-игровым (мальчик

с куклой-младенцем, развитие первого образа) – в обоих случаях преисполненными подлинных чувств. Если мы соединим понятия творчества и родительства – противоречие исчезает. Отцовская составляющая любви, обретя материнские элементы, усиливает во внутреннем пространстве женщины-поэта любовь к своим произведениям, очень женственной, материнской, конкурирующей с любовью к семье.

Реальная отцовская любовь к детям сопровождается ответственностью за их социальную реализацию, и в профессиональной жизни женщины-поэта постоянно присутствует тема публикации, творческих выступлений и пр, то есть, всего того, что дает путевку в жизнь ее творениям. Но сон и рассказ «Долина Попугаев», написанный по канве этого сна, это сон о женственной грани взаимоотношений поэта с ее произведениями и о том жарком напряжении, которым они сопровождаются.

***

Почти каждый человек путешествует в страну снов, и у каждого она своя. Однако мир сновидений включает в себя множество таких стран, и существует этот многообразный мир со времен сотворения человека. Поэт Лидия Григорьева принесла из страны сновидений удивительные цветы и плоды, говорящие поэтическим языком о ее внутренней жизни – но поэтический логос, обращенный к читателю, в то же самое время, говорит с нами о нашей внутренней жизни, учит прислушиваться к символическому языку мудрости бессознательного.

Каждый сон, как послание, нуждающееся в осознании его содержания. Неосознанное сновидение сравнивают с нераспечатанным письмом, отправленным в никуда. Но поэтическое послание имеет смыслы содержательный и эстетический. Эстетический раскрывается перед читателем стихотворения, завораживая его формой и звуком, а содержательный сохраняет канву сна в его привязке к реальности. Слово, образ, действие – это символы сновидений. Что, если попробовать «прочитать» одно из писем и попробовать понять его? Если сама поэзия, как логос души, целительна, то творчество – и развивает, и исцеляет. Оно говорит с нами о главном и второстепенном, большом и малом в трех временах – прошлом, настоящем и будущем – на символическом языке, направляя психику к развитию и исцелению.

Об авторе:

Елена Емелина родилась в Ленинграде. После получения высшего технического образования (ЛТИ им. Ленсовета, 1979 г.) и практической деятельности в области медицинских технологий, закончила психологический факультет Ленинградского государственного университета в 1989 году. Продолжала психологическое образование в США и Великобритании. С 1993 г. руководит Центром Интегральной психологии «Либра», консультирует, ведет семинары и тренинги. Специализация: интегральная психология, религиозная психология, работа с бессознательным (сновидения),

арт-терапия, драма-терапия. С 2001 года живёт в Арендале (Норвегия). В 2003 году опубликовала книгу стихов и прозы «Психея». В 2008 году в издательстве «Детгиз» вышла её детская книжка «Лестории». Бронзовый призёр Пятого Всемирного фестиваля «Эмигрантская лира». Публиковалась в журнале «Соотечественник» (Норвегия), (2008–10), литературно-публицистическом журнале «Эмигрантская Лира» (Бельгия) (N° 3–2013) .

ОБ АВТОРЕ

Григорьева Лидия Николаевна – родилась на Украине, школу закончила в Луганске, высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Она член СП СССР (1984), член Всемирной академии искусства и культуры (США-Тайвань, 1994), Международной академии поэзии (Мадрас, 1995), член Европейского общества культуры (Венеция, 1995), Международного ПЕН-клуба (Нью-Йорк, 1999; Лондон, 2007).

Автор многих поэтических книг, изданных в России и зарубежом. Книга стихов «Небожитель» (М.: Время, 2007) вошла в короткий список Бунинской премии 2007 года. А «Сновидение в саду – стихи XXI века», изданная Центром современной литературы «Русский Гулливер» (М., 2009) получила в 2010 году от Союза российских писателей премию имени М. Волошина «За лучшую поэтическую книгу года». Совместно с Р. Бухараевым она стала лауреатом литературного фестиваля «Русские мифы» (2010, Черногория). Лидия Григорьева лауреат премии им. А.Дельвига за 2011 год за публикации стихов и эссе. Книга избранных стихотворений и поэм «Вечная тема» (Время, М., 2013) получила диплом финалиста на всероссийском конкурсе «Книга Года» Московской международной книжной ярмарки (20013)

В советские времена Лидия Григорьева была автором и ведущей литературных программ «Поэтические

встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио (1988–1991) и Радио-1 (1992–1995). Уже в Англии, куда она переехала с мужем, поэтом Равилем Бухараевым в 1993 году, она стала автором телефильмов, снятых совместно с российским ТВ: «Цветаева в Лондоне», «Сны Веры Павловны», «Деревенский священник» (РТВ, 1993); «Гумилев в Лондоне», «Станица Лондонская» (РТВ, 1996); «Скрябин в Лондоне», «Северная сторона Кипра» (ИнтерЛира, 1997).

С начала 90-х она автор радиопрограмм о современной русской поэзии и культуре на русской службе Би-би-си. Участница международных литературных встреч, конференций и всемирных конгрессов поэзии. Она также пишет и публикует прозу и эссе. С 1998 по 2008 год была автором рубрик «Наш человек в Европе», «Русский акцент», «Со своей колокольни» в российских и лондонских русских газетах, по материалам которых издана книга эссе «Англия – страна Советов» (М.: «Зебра Е», 2008).

Ее литературно-исследовательские работы о русской поэзии «Мужчина в женском зазеркалье», «Метаморфозы идеальной возлюбленной. Лаура XXI века» были прочитаны на конференциях в Дели, Потсдаме, Венеции, Париже, Москве, опубликованы в журналах и научных сборниках, переведены на английский.

«Фотопоэзия – это новый жанр, идея создания которого принадлежит известному русскому поэту и фотохудожнику Лидии Григорьевой. Ее работы основаны на синтезе поэзии, философии и фотографии» – так откликнулся российский телеканал «Культура» на премьеру Фотопоэзии, которая состоялась в январе

2007 года в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве. В этом жанре изданы книги Л.Григорьевой: «Слезы радости» (Самара: «Агни», 2003), «Магия Мака», «Тюльпановый рай» («Агни», 2006), «Камелия в сиянье дня» («Агни», 2007); с использованием новых цифровых технологий ею созданы фото-поэтическиее фильмы: «Эдем в объективе Евы», «Весна в Раю», «Венецианские миражи», «Иерусалим сада моего». Премьерные показы этих фильмов в сочетании с авторским чтением стихов состоялись в 2007 году в Москве (Музей А.С.Пушкина), в Лондоне (Пушкинский Дом), в Казани (Книжный двор) и в Италии на конгрессе Европейского общества культуры, в Русском центре (Россотрудничество) в Лондоне. В издательстве «Славия» (СПб, 2011) вышел авторский фото-альбом Л. Григорьевой «Венецианские миражи».

Стихи Григорьевой включены в антологии «Русская поэзия: XX век» (М.: ОЛМА-Пресс, 2001), «Освобожденный Улисс» (М.: НЛО, 2004); в английские антологии из серии «Modern Poetry in Translation (MPT)»: «Mother Tongues» (2001), «Russian Women Poets» (2002); переведены на английский, арабский, венгерский, французский, чешский, немецкий, китайский и японский языки. Ее биография была включена в девятый выпуск энциклопедии «Кто есть кто среди интеллектуалов мира» (Кембридж, 1992); вошла в пятый выпуск энциклопедии Американского биографического центра (Калифорния) «The International Directory of Distinguished Leadership» (1994).

Вдова писателя и поэта Равиля Бухараева. Живет в Лондоне и Москве.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Мазин. Опыт онейропоэзии Лидии Григорьевой 5
Сновидение 8
шмуцтитул 9
Лидия Григорьева. Тезисы выступления в музее Зигмунда Фрейда 11
Черновик инобытия 11
Шмуцтитул 17
«Город твой маленький, как табакерка...» 19
Сон 20
«Мокро... Только ветер...» 23
«На чердаке в полутьме паутины...» 24
«Казань. Глубокие дворы...» 25
«В холодной комнате пустой...» 26
«Полночная графика мощного мрака и света...» 27
«В мою голову сегодня утром...» 28
«Сегодня из черной-черной машины...» 29
Февраль 1966 года *(маленькая поэма)* 30
«Бьюсь о дома...» 34
«В соборе привратница резала дыню...» 35
«Это не я, нет, не я...» 36
Шмуцтицул 37
Долина жен. *Баллада с эпиграфами и эпитафией* . . 39
Путешествие. 42
Вожделение 43
Сон о казани 45

Сон Варвары Суховей *(1988 год, Москва)* 46
СОН В СИНАЙСКОЙ ПУСТЫНЕ 50
СОН ОБ ИСПАНИИ 52
СОН О СЛОВЕ 53
«И у меня сошел с ума зеленый пес...». 54
«Однажды проснулась, а мы – в Ленинграде...» . . . 55
Сны над бездной 56
«В сумраке сознания ёжик копошится...» 57
«Ушла с душою уязвленной 58
Полуденный сон олигарха 59
«Во сне стремителен полет...» 60
Сновидение в саду 61
Нелюбовь. 62
«Эти жизни сами за мной идут...» 63
Девушка и ангел 64
«Пишу каким-то странным слогом...» 68
Сон перед грозой. 69
«Сказал. И тут же убежал...» 70
Долина попугаев 73
«Случайный фикус в кадке голубой!..» 85
«Как это назвать?..» 86
Шмуцтитул
Елена Емелина. Сон как поэтическое пророчество в масштабе личной жизни поэта 89
Об авторе 107